Тому, кто мне встретится...

ДАЛЕКОЕ–БЛИЗКОЕ

Владимир ПРИХОДЬКО

Знаем ли мы своих предков? И - до какого колена? Часть общества - младенцы, брошенные родительницами-отказницами, - никогда не узнает, кто мать, кто отец. А остальное население? В советские десятилетия широко уничтожали память о прошлом. Дед-дворянин, классово чуждый, грозил из могилы погибелью внукам. Скрывали и национальные корни. Тоже было чревато. Отказали же оголтелые национал-патриоты Пушкину в звании русского гения из-за его «арапских» кровей.

Ой, далеко не всем нашим гражданам известны их деды, не говоря о прадедах.

Интерес к предкам сегодня оживился. Познакомлю вас с женщиной, которая нашла своего прапра в XII веке! В ливонской летописи углядела некоего Герцыкаса. Этот литовец, язычник и задира, кого-то обидел. Епископ из Риги собрал войско и - в 1196 году - разрушил замок Герцыкаса, увел у него жену. Герцыкас покаялся, обещал стать примерным христианином. И жену получил обратно. Чтоб, значит, было с кем плодить потомство. С века XVI у потомства Герцыкаса налицо родословная-непрерывка. Польско-литовский род Лубны-Герцык в XIX веке обрусел. Верой и правдой послужил России. Кто защищал Севастополь от басурман, кто строил дороги.

Потомица Герцыкаса Татьяна Никитична Жуковская живет на Песчаной площади, а трудится в Доме-музее Марины Цветаевой. Она не только привела в порядок архив своей дворянской семьи и организовала - в Москве и в Вильнюсе - выставки писем, снимков, портретов, документов. Она издала в 2 книгах стихи и прозу Аделаиды Герцык, своей бабушки. И «Воспоминания» Евгении Герцык, своей двоюродной бабушки. Она также опубликовала прозу и стихи Даниила Жуковского, своего дяди.

Прямо скажу: семейственность.

Но попрекать почему-то не хочется. Хочется благодарить.

История семьи - часть истории общества. Каждый станет нéмного богаче, познакомившись с сестрами Герцык. Эмигрант Федор Степун в книге «Бывшее и несбывшееся» писал: «Сестры Герцык принадлежали к тем замечательным русским женщинам, для которых жить значило духовно гореть». Обе родились в семье инженера-путейца в г. Александрове (тогда - Владимирской губ.): Аделаида в 1874-м, Евгения - в 1878-м. С 1898-го снимали в Москве квартиру. Затем купили дом в Судаке.

Семейную ауру можно почуять в мемуарах Евгении: «Живя в постоянном общении с большими, мы незаметно перенимали их обычаи, а обычай, уклад нашего дома окрашен доброжелательством, легкостью в отношениях, отсутствием пересудов и семейных дрязг».

Выросшие в доброжелательстве сестры Герцык тусовались среди элиты Серебряного века. Дружили с философами: Бердяевым, Сергеем Булгаковым, Ильиным, Шестовым, Флоренским. Поэтами: Максимилианом Волошиным, Вячеславом Ивановым, Мариной Цветаевой. С молодым А.Н. Толстым. Живописцем Львом Лагорио. Композитором Скрябиным. Ничего себе список!

Мария Спендиарова, которая познакомилась с ними девочкой, вспоминала: «Это были бесконечно добрые, деликатные и серьезные люди».

Аделаида владела европейскими языками. Перевела «Прогулки по Флоренции» Рёскина, книгу, за которой поныне охотятся библиоманы. Вышла замуж за Д.Е.Жуковского, издателя журнала «Вопросы жизни». В 1910-м выпустила «Стихотворения». Развивала мотив любви к миру, звездному небу, к людям. С прелестной женской непосредственностью:

В небе затеплились Божьи свечи,
И стало призывно там.
Тому, кто мне встретится в этот вечер -
Я душу свою отдам.

В более поздние годы утверждала, что «в любви вся земля светла», ощущая это как конечную истину, житейский итог: «И мне кажется, знать больше нечего /И блажен, кто весь мир любил...»

От сумы и от тюрьмы не зарекайся. В 1921-м в Судаке Аделаида была арестована ЧК и угодила в тюремную камеру. В сырой подвал. Это было невероятное испытание. Дни шли за днями. Однажды решила, что конвойный ведет ее не на работу, как обычно, а на расстрел: «И первое, что мелькнуло: скорей, скорей приготовиться душой, чтоб не врасплох...»

В подвале продолжала писать стихи. «Подвальные». Молодой следователь оказался любителем поэзии. Попросил - на допросе - переписать для него и сделать надпись, что посвящаются ему. И ее отпустили.

Есть свидетельство, что Пастернак сказал о ней: «Поэтический опыт был у нее и раньше, но не было жизненного (...) Если бы это пришло ранее, это бы вознесло ее Бог знает куда!»

Аделаида умерла в 1925 году. На ее смерть откликнулся Волошин - стихами. Сергей Булгаков писал Евгении: «У меня давно-давно, еще в Москве было о ней чувство, что она не знает греха, стоит не выше его, но как-то вне. И в этом была ее сила, мудрость, очарование, незлобивость, вдохновенность».

Твердость редко сочетается с незлобивостью. Вокруг всё больше твердые и злобные. В одном лице. А это редкое сочетание - особая комбинация генов. Плюс безмятежность детства. Жизнь только шлифует.

Признаюсь: мемуары Евгении Герцык я стал читать с большим недоверием. «Московский рабочий» выпустил их как-то небрежно, на скверной, из отходов, бумаге. Более 400 страниц, а под такой обложкой, что покупаешь уже оторванной.

Между тем это одна из лучших книг в нашей мемуаристике. Не уступает дневникам Пришвина. Живость и простота. Доступна любому читателю.

Евгения, многолетняя собеседница Бердяева и других мыслителей Серебряного века, была человеком независимым. И сумела увидеть их сильные и слабые стороны.

Воспоминания написаны в 30 - 40-е годы. Евгения бедствовала. А во время войны оказалась в немецкой оккупации в Курской области. В глухой деревне Зеленая Степь. Здесь и умерла в 1944-м. Здесь и лежали в сундуке ее рукописи. В семье врача Никиты Жуковского, старшего сына Аделаиды. Ужас не раз охватывал хранителей: младший сын Аделаиды Даниил (учитель математики) был арестован НКВД в 1936 году по доносу. Уликой обвинения послужили конфискованные стихи Волошина, которого он знал в детстве лично, будто бы «антисоветские», «черносотенные». Даниил получил пять лет, оказался в Орловском централе. Был обвинен в нарушении режима, в том, что ругал органы: мол, сажают в тюрьмы невинных. И приговорен к расстрелу.

И все же рукопись - в простых ученических тетрадках с помарками - не выкинули. Сберегли. Хотя не ведали, что впереди ждет - нет, не рукопись - ждет самих.

Дальнейшее связано с пока незнакомым читателю именем: Анна Рапопорт. Литературовед, переводчица с английского. Тоже по-своему замечательная женщина.

Это было уже в 60-е. Лечилась Анна Рапопорт в туберкулезном санатории в Теберде. Провела три месяца. Приятельствовала с врачом Никитой Жуковским, он как раз там работал. Чудаковатый, милый. Прислал бывшей пациентке в Москву дар с оказией: перепечатанный очерк своей родственницы о Серебряном веке. И стала Анна Рапопорт первой, кто по-настоящему оценил талант мемуаристки. Вскоре ей передали всю рукопись из сундука. Она всю перепечатала. Бескорыстно помогла Татьяне Жуковской приготовить к изданию, на которое не было надежды. Она познакомила с рукописью дочь Марины Цветаевой Ариадну Эфрон. И довольно широкий круг литераторов.

В декабре 1970 года к Анне Рапопорт приехал Солженицын: побеседовать с родственницей одного из персонажей Евгении Герцык. Тоже прочел.

Кажется, советской власти не удалось извести культурный слой. Несмотря на усилия бóльшие, чем усилия Мамаевой рати.

Погуляла Мамаева рать по Руси. Разные это повлекло последствия. В смятение пришел Корней Чуковский, когда попал на исходе жизни в больницу: «За нашей больничной трапезой женщины говорят мелкобабье: полезен ли кефир, как лучше изжарить карпа, кому идет голубое, а кому зеленое - и ни одной общей мысли, ни одного ***человеческого*** слова». А я смешной разговорец слышал - на остановке: «Приехал племянник. Двадцать пять лет. Пить не умеет. Ругаться не умеет. Так его жалко!» Такой «племянник» нынче белая ворона. Выродок.

Это жизнь. Конец XX века.

Тонок культурный слой. А все ж имеется. Вот сколько ни встречался с Татьяной Жуковской, ни разу не видел, чтоб спустилась на землю. Из другого теста. Видно, пошла в маму, в папу. В бабушек, дедушек. Мелко-бабье не занимает. «В наше мутное время удивительно светлое существо» (так про нее Анна Рапопорт выразилась).

Пожалуй, только раз обмолвилась о «низком». Когда с огорчением сказала, что архив хранит в неважнецких условиях. Оказывается, на Песчаной коммуналка. Три или даже четыре семьи. А рукописи, картины и пр. на антресолях, под кроватью. И давно бы пора властям коммуналку расселить. В порядке, добавлю, заботы о тех, для кого жить значит гореть духовно.

Моск. правда. - 1999. - 13 марта. - с. 4